

Ползунков — эпизод 6 из 6

Только взял он бумагу мою, развернул, и вижу, шевельнулась у него вся физиономия. «Что ж, Осип Михайлыч?» А я как дурак: «Первое апреля! с праздником вас, Федосей Николаич!» — то есть совсем как мальчишка, который за бабушкино кресло спрятался втихомолку, да потом уф! ей на ухо, во всё горло, — пугать вздумал! Да... да просто даже совестно рассказывать, господа! Да нет же! я не буду рассказывать!

— Да нет, что же дальше?

— Да нет, да нет, расскажите! Нет, уж рассказывайте! — поднялось со всех сторон.

— Поднялись, судари мои, толки да пересуды, охи да ахи! и проказник-то я, и забавник-то я, и перепугал-то я их, ну, такое сладчайшее, что самому стыдно стало, так что стоишь да со страхом и думаешь: как такого грешника такое место святое на себе держать может! «Ну, родной ты мой, — запищала советница, — напугал меня так, что о сю пору ноги трясутся, еле на месте держат! Выбежала я как полуумная к Маше: Машенька, говорю, что с нами будет! Смотри, каким

твой-то

оказывается! Да сама согрешила, родимый, уж ты прости меня, старуху, опростоволосилась! Ну, думаю: как пошел он от нас вчера, пришел домой поздно, начал думать, да, может, показалось ему, что нарочно мы вчера ходили за ним, завлечь хотели, так и обмерла я! Полно, Машенька, полно мигать мне, Осип Михайлыч нам не чужой; я же твоя мать, дурного ничего не скажу! Слава богу, не двадцать лет на свете живу: целых сорок пять!..»

Ну, что, господа! Чуть я ей в ноги не чебурахнулся тут! Опять прослезилась, опять лобызания пошли! Шуточки начались! Федосей Николаич тоже для первого апреля штучку изволили выдумать! Говорит, дескать, жар-птица прилетела, с бриллиантовым клювом, а в клюве-то письмо принесла! Тоже надуть хотел, — смех-то пошел какой! умиление-то было какое! тьфу! даже срамно рассказывать.

Ну, что, мои милостивцы, теперь и вся недолга! Пожили мы день, другой, третий, неделю живем; я уж совсем жених! Чего! Кольца заказаны, день назначали, только оглашать не хотят до времени, ревизора ждут. Я-то жду не дождусь ревизора, счастье мое остановилось за ним! Спустить бы его скорей с

плеч долой, думаю. А Федосей-то Николаич под шумок и на радостях все дела свалил на меня: счета, рапорты писать, книги сверять, итоги подводить, — смотрю: беспорядок ужаснейший, всё в запустении, везде крючки да кавыки! ну, думаю, потружусь для тестюшки! А тот всё прихварывает, болезнь приключилась, день ото дня ему, видишь, хуже. А чего, я сам, как спичка, ночей не сплю, повалиться боюсь! Однако кончил-таки дело на славу! выручил к сроку! Вдруг шлют за мной гонца. «Поскорей, говорят, худо Федосею Николаичу!» Бегу сломя голову — что такое? Смотрю, сидит мой Федосей Николаич обвязанный, уксусу к голове примочил, морщится, кричит, охает: ох да ох! «Родной ты мой, милый ты мой, говорит, умру, говорит, на кого-то я вас оставляю, птенцы мои!» Жена с детьми приплелась, Машенька в слезы, — ну, я и сам зарюмил! «Ну, нету же, говорит, бог будет милостив! Не взыщет же он с вас за все мои прегрешения!» Тут он их всех отпустил, приказал за ними дверь запереть, остались мы с ним вдвоем, с глазу на глаз. «Просьба есть до тебя!» — «Какая-с?» — «Так и так, братец, и на смертном одре нет покоя, зануждался совсем!» — «Как так?» Меня тут и краска прошибла, язык отнялся. «Да так, братец, из своих пришлось в казну приплатиться; я, братец, для пользы общей ничего не жалею, жизни своей не жалею! Ты не думай чего! Грустно мне, что меня пред тобой клеветники очернили... Заблуждался ты, горе с тех пор мою голову убелило! Ревизор на носу, а у Матвеева в семи тысячах недочет, а отвечаю я... кто ж больше! С меня, братец, взыщут: чего смотрел? А что с Матвеева взять! Уж и так довольно с него; что горемыку под обух подводить!» Святители, думаю, вот праведник! вот душа! А он: «Да, говорит, дочерних брать не хочу, из того, что ей пошло на приданое; это священная сумма! Есть свои, есть, правда, да в люди отданы, где их сейчас соберешь!» Я тут как был, так и бряк перед ним на колени. «Благодетель ты мой, кричу, оскорбил я тебя, разобидел, клеветники на тебя бумаги писали, не убей вконец, возьми назад свои денежки!» Смотрит он на меня, потекли у него из глаз слезы. «Этого я и ждал от тебя, мой сын, встань; тогда простил ради дочерних слез! теперь и мое сердце прощает тебя. Ты залечил, говорит, мои язвы! благословляю тебя во веки веков!» Ну, как благословил-то он меня, господа, я во все лопатки домой, достал сумму: «Вот, батюшка, всё, только пятьдесят целковых извел!» — «Ну ничего, говорит, а теперь всякое лыко в строку; время спешное, напиши-ка рапорт, задним числом, что зануждался да вперед просишь жалованья пятьдесят рублей. Я так и покажу по начальству, что тебе вперед выдано...» Ну что ж, господа! как вы думаете? ведь я и рапорт написал!

— Ну что же, ну чем же, ну как это кончилось?

— Только что написал я рапорт, сударики вы мои, вот чем кончилось. Назавтра же, на другой же день, ранехонько поутру пакет за казенной печатью. Смотрю — и что ж обретаю? Отставка! Дескать, сдать дела, свести счета, а самому идти на все стороны!..

— Как так?

— Да уж и я тут благим матом крикнул: как так! сударики! Чего, в ушах зазвенело! Я думал спроста, ан нет, ревизор в город въехал. Дрогнуло сердце мое! Ну, думаю, неспроста! да так, как был, к Федосею Николаичу: «Что?» — говорю. «А что ж?» — говорит. «Да вот же отставка!» — «Какая отставка?» — «А это?» — «Ну что ж, и отставка-с!» — «Да как же, разве я пожелал?» — «А как же, вы подали-с, первого апреля вы подали» (а бумагу-то я не взял назад!). — «Федосей Николаич! да вас ли слышат уши мои, вас ли видят очи мои!» — «Меня-с, а что-с?» — «Господи, бог мой!» — «Жаль мне, сударь, жаль, очень жаль, что так рано службу оставить задумали! Молодому человеку нужно служить, а у вас, сударь, ветер начал бродить в голове. А насчет аттестата будьте покойны: я позабочусь. Вы же так хорошо себя всегда аттестуете-с!» — «Да ведь я ж тогда шуточкой, Федосей Николаич, я ж не хотел, я так подал бумагу, для родительского вашего... вот!» — «Как-с вот! Какое, сударь, шуточкой! Да разве такими бумагами шутят-с? да вас за такие шуточки когда-нибудь в Сибирь упекут-с. Теперь прощайте, мне некогда-с, у нас ревизор-с, обязанности службы прежде всего; вам бить баклуши, а нам тут сидеть за делами-с. А уж я вас там как следует аттестую-с. Да еще-с, вот я дом у Матвеева сторговал, переедем на днях, так уж надеюсь, что не буду иметь удовольствия вас на новоселье у себя увидеть. Счастливый путь!» Я домой со всех ног: «Пропали мы, бабушка!» — взвыла она, сердечная; а тут, смотрим, бежит казачок от Федосея Николаича, с запиской и с клеткой, а в клетке скворец сидит; это я ей от избытка чувств скворца подарил говорящего; а в записке стоит:
первое апреля,
а больше и нет ничего. Вот, господа, что, как вы думаете-с?!

— Ну, что же, что же дальше???

— Чего дальше! встретил я раз Федосея Николаича, хотел было ему в глаза подлеца сказать...

— Ну!

— Да как-то не выговорилось, господа!